

ПОИСКИ СЧАСТЬЯ И ФОРТУНЫ: АНТИЧНЫЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОЧНИКИ СКАЗКИ К. Н. БАТЮШКОВА «СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД»

«Странствователь и Домосед»¹ остается до сих пор не вполне разгаданным произведением Батюшкова. В жанровом отношении естественней всего квалифицировать его как стихотворную сказку, так его определял и сам автор. Поскольку жанр этот пришел из Франции, большая часть русских стихотворных сказок — более или менее свободные переработки французских. Но батюшковский текст не является переложением какого-либо одного произведения, в нем следует видеть самостоятельное сочинение, хотя и включающее ряд заимствованных элементов; при этом смысл его проясняется, если распознать источники, на которые поэт в той или иной степени опирался. Помимо французской культуры, игравшей немалую роль в формировании батюшковского поэтического языка, в данном случае для понимания сказки существенными оказываются некоторые доктрины античной философии.² Поэтому в настоящей работе для интерпретации «Странствования и Домоседа» привлекаются письма Батюшкова, в которых упоминается это сочинение и цитируются моральные сентенции французского происхождения, его стихотворения, содержащие родственную топику и тематику, а также французские трактаты о греческих философах и их учениях.

Сказка о Странствование и Домоседе — самая пространная поэтическая вещь Батюшкова (383 строки), поэтому стоит кратко напомнить ее сюжет. Два брата живут в деревне недалеко от Афин, получают неожиданное наследство, после чего один — Домосед Клит — решает вложить унаследованные деньги в дом и хозяйство, а другой — Филалет — на эти деньги отправляется путешествовать, чтобы приобрести мудрость и, благодаря ей, славу. Он плывет сначала в Египет к жрецам, затем посещает разных греческих мудрецов, но ни одно учение его не устраивает; он теряет все деньги и в отчаянии пытается утопиться. Его спасает старый философ скептик Памфил, Филалет живет у него в лесу несколько дней и наконец возвращается в родные Афины; демонстрируя свежеприобретенную скептическую мудрость, он произносит на площади речь о готовящейся войне, но его прогоняют смехом и даже камнями, а спасает его от разгневанной толпы родной брат Домосед Клит. Филалет

¹ Так в оглавлении батюшковских «Опытов в стихах и прозе» 1817 года. Ниже Странствователь и Домосед будут писаться с прописной буквы, как принято в баснях и сказках, когда речь идет о персонажах.

² Русский литературный контекст сказки наиболее полно на сегодняшний день рассмотрен в неопубликованном исследовании А. Р. Калининой: «Странствователь и домосед» К. Н. Батюшкова в литературном контексте середины 1810-х гг. Курсовая работа. Высшая школа экономики. Москва, 2017. Автор искренне признателен А. С. Бодровой, любезно предоставившей ему эту работу.

гостит несколько дней у Клита, вскоре начинает ностальгически вспоминать свои путешествия и рассказывать о них, наконец не выдерживает домашней скуки и снова пускается в странствие на поиски вечной весны.

Автокомментарии в эпистолярной Батюшкова и французские сентенции

Сказка содержит отступления открыто автобиографического характера: автор вспоминает о русской армии в Париже, о своем возвращении в Петербург. Однако интереснее скрытый интимный подтекст сказки, о котором мы знаем из писем Батюшкова.³ Вяземскому он пишет 10 января 1815 года: «Теперь кончил сказку „Домосед и странствователь“, которая тебе, может быть, понравится, потому что напомнит обо мне. Я описал себя, свои собственные заблуждения и сердца и ума моего».⁴

Здесь очевидна отсылка к названию романа Кребийона-сына (Claude-Prosper Jolyot de Crébillon, 1707–1777) «Заблуждения [блуждания] сердца и ума» («Les égarements du cœur et de l'esprit»)⁵. Примерно через месяц, в феврале того же 1815 года в очередном письме Батюшков обещает: «Верь мне, что я болен не одним воображением, и в доказательство чего пришлю тебе мою сказку „Странствователь и Домосед“, где я сам над собою смеялся. Стих и прекрасный „Ум любит странствовать, а сердце жить на месте“ стих Дмитриева подал мне мысль эту. И где? В Лондоне, когда, сидя с Севериным на берегах Темзы, мы рассуждали об этой молодости, которая исчезает так быстро и невозвратно» (2, 322).

Здесь поэт снова намеком дает ключ к толкованию своего произведения и его названия, цитируя чужие слова (на этот раз не Кребийона, а Дмитриева). Из них образуется параллель: Странствователь — ум, Домосед — сердце, так что героями сказки оказываются Ум и Сердце. И в февральском письме, как и в предыдущем, Батюшков прямо говорит, что писал о себе («где я сам над собою смеялся»).

В сказке совмещены несколько топосов. Вот основные три: 1) герой ищет счастья в разных странах; 2) идиллический топос (данный лишь в общих чертах): счастливая жизнь Клита у себя дома; 3) топосом является и само противопоставление первого и второго — суетных поисков счастья вовне и счастливой жизни дома, — которое, собственно, и обозначено в заглавии. Батюшков разрабатывал вариант этой оппозиции, кратко выраженный строкой, которую он приписывал Дмитриеву («Ум любит странствовать, а сердце жить на месте») и которая в некоторых ранних списках даже поставлена эпиграфом к сказке.⁶ Но в известном сейчас корпусе произведений Дмитриева упомянутый стих отсутствует.

Комментаторы строили различные предположения о происхождении цитированного александрина, допуская, в частности, авторство самого Батюшкова.⁷ Решение выглядит проще: как и многие другие афористичные строки

³ См. комментарии В. П. Степанова: Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / Вступ. статья и сост. А. Н. Соколова; подг. текста и прим. Н. М. Гайденова и В. П. Степанова. Л., 1969. С. 676 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁴ Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 319. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁵ Этот намек был отмечен в комментариях А. Л. Зорина (2, 630). Заметим, что аллюзия Батюшкова — одно из нечастых свидетельств рецепции Кребийона в России.

⁶ Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века. С. 676.

⁷ Так, А. Л. Зорин ошибочно считал, что это «строка, сконтаминированная по мотивам басни И. И. Дмитриева „Два голубя“ (1795)» (2, 630).

русской поэзии, этот стих имеет французское происхождение, представляя собой удачный перевод двух октосиллабов маркиза де Пезэ (Alexandre Frédéric Jacques de Masson marquis de Pezay, 1741–1777), выполненный, вероятно, и в самом деле Дмитриевым⁸ и известный Батюшкову:

l'esprit peut aimer les voyages:
mais le cœur chérit le séjour...⁹

Строки де Пезэ, видимо, запомнились читателям и породили некоторое количество подражаний. Во всяком случае, после них во французской литературе появились похожие по смыслу сентенции, например заключительный стих послания Делиля «Двум путешествующим детям» («*Épître à deux enfants voyageurs*»):

On peut s'instruire ailleurs; on ne vit que chez soi.¹⁰

Еще ближе по смыслу к двустушию де Пезэ значительно более позднее высказывание Ипполита Риго: «*L'esprit s'amuse en voyage, mais le cœur s'en-nuie; c'est un voyageur qui l'a dit, et il a raison*».¹¹

Эти две сентенции по хронологическим причинам никак не могут быть генетически связаны с батюшковской сказкой, но свидетельствуют об успехе бонмо маркиза де Пезэ и показывают, что не только Дмитриев обратил внимание на две удачные строки в посредственном стихотворении.

Через несколько месяцев после написания сказки Батюшков цитирует другую, но родственную мысль, выраженную в сходной антитетической форме. В письме к Вяземскому в марте 1815 года он дважды приводит стих самого Вяземского из послания «К друзьям» (1814 или 1815): «*Успехов просит ум, а сердце счастья просит*» (2, 324, 325; № 190). В следующем письме, написанном через несколько дней, он повторяет то же изречение еще раз (2, 327; № 191). Столь полюбившаяся Батюшкову строка дополняет и поясняет афоризм Дмитриева: *сердце любит жить на месте* потому именно, что *счастья просит*, а счастье обретается дома.¹² Она также является переводной, заимствованной из Экушара-Лебрена, причем словом 'сердце' Вяземский передал французское *âme* 'душа':

⁸ Трудно представить, зачем Батюшкову понадобилось бы приписывать Дмитриеву чужой стих. Подавляющее большинство произведений Дмитриева являются переводными, но вполне возможно, что не все они дошли до нашего времени; мог затеряться и перевод из де Пезэ. Оригиналы известных текстов указаны в комментированных изданиях поэта, а также в работах: *Добрицын А. А.* 1) Сюжетные истоки четырех сказок И. И. Дмитриева // *Русская литература*. 2007. № 2. С. 3–20; 2) Апологи И. И. Дмитриева // *Русская литература*. 2008. № 2. С. 68–79.

⁹ *Les injures. Épître à Églé // Almanach des Muses*. Paris, 1770. P. 41 (подп.: M. de Pezai); *Choix des poésies de Pezai, Saint Péravi et La Condamine*. Paris, 1810. P. 139. Пер.: «Ум может любить странствия, / Но сердце ценит домоседство» (здесь и далее перевод, если не указано иное, мой. — А. Д.). У де Пезэ речь идет о мысленном путешествии Аглаи (Églé, адресата послания) к диким народам Севера и Юга, чьи сердца она должна покорить.

¹⁰ *Delille J. Le Départ d'Éden, poème par Delille, suivi d'une épître à deux enfants voyageurs*, Paris: Didot l'aîné, 1816. Пер.: «Набираться ума можно и в чужих краях, но живешь лишь у себя дома». Послание «Двум путешествующим детям» вышло в свет уже после смерти аббата Делиля (1738–1813). В 1820 году оно было включено именно в том посмертных произведений (*Delille J. Œuvres posthumes*. Paris: Michaud, 1820 [Œuvres. Т. 17]).

¹¹ *Rigault H. Œuvres complètes / Précédées d'une notice biographique et littéraire par M. Saint-Marc Girardin*. Paris: Hachette, 1859. Т. 4. P. 503. Пер.: «Ум развлекает себя в путешествиях, но сердце скучает; это сказал путешественник и был прав». Риго не уточняет, о каком «путешественнике» идет речь.

¹² Параллель между стихом Дмитриева и строкой Вяземского уже отмечалась: *Калинина А. Р.* «Странствователь и домосед» К. Н. Батюшкова... С. 31.

La Gloire nous égare: ivre d'un fol Honneur,
L'Esprit veut des Succès; l'Ame veut le Bonheur...¹³

Двустипшие Лебрена полностью приложимо к батюшковскому Странствователю: ум Филалета *просит* успеха и почестей (*Honneur*), а душа — счастья (*Bonheur*); жажда славы толкает его на суетный путь, где душа не находит желанного счастья.¹⁴

Трудно сказать, знал ли Батюшков, что цитируемые им в письмах русские строки восходят к французским сентенциям, но мы видим, что именно переводные максимы приходят ему на память, и этот выбор свидетельствует о его эстетических предпочтениях и показывает, на каких образцах формировался его вкус и какая литература предоставляла формы для выражения его мысли.

И александрен Лебрена–Вяземского, и сентенция де Пезе–Дмитриева вписываются в разветвленную традицию, противопоставляющую ум и сердце. В частности, важно, что с умом соотносится сфера неустойчивости, движения, поиска, узнавания нового; с сердцем — область чувств и ощущений, особенно счастья, покоя, устойчивости, а также интуитивно уверенного знания правоты, правильного пути.¹⁵

Во французской литературе такое противопоставление традиционно оформляется как остроумная афористичная антитеза, *trait d'esprit*; вот пара характерных примеров:

L'esprit peut nous égarer; mais le cœur ne nous trompe jamais.¹⁶

Notre esprit veut savoir, mais le cœur veut sentir.¹⁷

При поисках счастья лучше прислушиваться к велению сердца, уму в этом доверять не следует, он может сбить с правильного пути. Если же сердце начинает заблуждаться, ум тем более не может вывести на верную дорогу:

L'esprit s'aveugle quand le cœur s'égaré.¹⁸

¹³ *Ecouchard-Lebrun P. D. Œuvres*. Paris, 1811. Т. 2. P. 157 («Épître VII, A M. du Belloi, Auteur tragique»). Пер.: «Слава сбивает нас с пути: опьяненный нелепыми почестями, / Ум хочет успеха, [а] Душа хочет счастья». Название послания варьируется в разных изданиях: «Épître à M. Dubelloi, après son retour de Russie» (Les quatre saisons du Parnasse, ou choix de poésies légères <...>. Paris, 1806. [Т. VI]. Printemps. P. 151); «Épître à M. Buirette du Belloi, célèbre auteur tragique» (Nouveau Almanach des Muses. Paris, 1805. P. 230); «Épître à de Belloi, après son retour de Russie» (Almanach des Muses. Paris, 1808. P. 32).

¹⁴ Ср. в письме Батюшкова Н. И. Гнедичу (25 декабря 1810 года): «Я гривны не дам за то, чтоб быть славным писателем, ниже Расином, я хочу быть счастливым» (2, 153).

¹⁵ О русской традиции см.: *Хазимуллина Е. Е.* «Ум с сердцем не в ладу?» (Мотивированность языковых знаний неязыковыми в русской когнитивной картине мира) // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 330. С. 32–39.

¹⁶ *Favart C. S. Mémoires et correspondance littéraires: dramatiques et anecdotes <...>*. Paris: Collin, 1808. Т. 2. P. 67–68. Пер.: «Ум может сбить нас с пути, но сердце никогда нас не обманывает». Сентенция содержится в письме 1763 года и относится к зрительскому восприятию пьесы Гольдони.

¹⁷ Из «Послания к Музе» («Épître aux Muses») Шарля Борда (*Borde Ch. Œuvres diverses*. Lyon: Faucheux, 1783. Т. 2. P. 45). Пер.: «Наш ум хочет знать, но сердце хочет чувствовать». Впервые напечатано в «Mercure de France» в 1762 году. Фраза приписывалась также королю Станиславу Лещиньскому (1677–1766); *Stanisław I Leszczyński. Œuvres choisies de Stanislas, Roi de Pologne <...>*. Paris: Carez, 1825. P. 349.

¹⁸ *Caraccioli L. A. de. Voyage de la Raison en Europe; par l'Auteur des Lettres récréatives & morales*. Compiègne: Bertrand; Paris: Saillant & Nyon, 1772. P. 421. Пер.: «Когда сердце сбивается

Последний афоризм происходит, вероятно, из известной максимы Ларошфуко: «L'esprit est toujours la dupe du cœur» — ум всегда бывает обманут сердцем.¹⁹ Широкое распространение подобных сентенций (с их почти фольклорной вариативностью) свидетельствует, что они приближались к таким языковым конструктам, как поговорки и пословицы.

Вспоминая батюшковское письмо Вяземскому (10 января 1815 года), мы можем уточнить: «Странствователь и Домосед» говорит не просто о блужданиях ума и сердца, но об их блужданиях в поисках дороги к счастью, так что все приведенные сентенции имеют к сказке прямое отношение.

Странствия в поисках счастья

Чисто формально историю «Странствователя и Домоседа» можно отнести к тем сюжетам, где тихое спокойное существование противопоставлено бурной, опасной и тем самым более привлекательной жизни.

Сопоставление жизни трудной, но достойной и жизни легкой, но бесславной сочетается часто с еще одним важным топосом — топосом выбора жизненного пути («герой на распутье», *homo viator in bivio*). Мотив встречается уже в античности, впервые, по-видимому, у Гесиода (Op. 287–292). Несколько веков спустя он был использован в притче софиста Продика «Геракл на распутье», повествующей, как две богини — Порочность и Добродетель — склоняли Геракла выбрать жизненный путь — соответственно легкий путь порока или трудный путь добродетели. Притча известна нам благодаря Ксенофону, который приводит ее в «Воспоминаниях о Сократе» (Xen. Mem., II, 1, 21–34).²⁰

В истории Продика о Геракле, которая послужила матрицей для всех последующих воплощений интересующего нас топоса, Геракл выбирает *метафорический* путь, т. е. тяжелую и опасную, но славную (и потому добродетельную) жизнь. В сказке Батюшкова речь идет о реальном, а не метафорическом странствии. Оно оказывается хлопотным и трудным, но можно ли сказать, что, пустившись в далекую и непростую дорогу, герой выбрал тем самым более добродетельную, более угодную богам жизнь?

Герой сказки стремится к славе, как и в изначальной мифе, но в Странствователе это стремление — не проявление добродетели, а признак «беспокойного ума», по слову Бюсси-Рабютена в письме к Мадам де Скюдери: «Je ne sai <sic!> pourquoi notre ami est allé si loin, & encore moins pourquoi il en est revenu. Ces voyages-là marquent souvent un esprit inquiet».²¹

с пути, ум слепнет». (Иначе говоря, ум лишь рационально оправдывает уже сделанный сердцем выбор пути, поэтому, когда сердце теряет дорогу, то и ум слепнет, перестает ее видеть.)

¹⁹ Ср. эссе «Нечто о морали, основанной на философии и религии», где Батюшков утверждал, что «сердце есть источник страстей, пружина морального движения. Ум должен им управлять; но и самый ум <...> любит отдавать ему отчет, и сей отчет ума сердцу есть то, что мы осмелимся назвать лучшим и нежнейшим цветом совести» (1, 156).

²⁰ Подробнее о топосе «странник на распутье» см. классическую работу Пановского (*Panofsky E. Hercules am Scheidewege und andere antike Bildstoffe in der neuen Kunst. Berlin: Teubner, 1930*) и монографию Вольфганга Хармса (*Harms W. Homo viator in bivio: Studien zur Bildlichkeit des Weges. München: W. Fink, 1970 (Medium Aevum. Philologische Studien; Bd. 21)*). О некоторых воплощениях топоса жизненной дороги в классической русской поэзии см.: *Добрицын А. А. Iter vitae, lepton ochema, Trionfo del Tempo и «Телега жизни» // Philologica. 2013/2014. Т. 10. № 24. С. 17–40 (см.: <http://www.rvb.ru/philologica/10pdf/10dobricyn.pdf>; дата обращения: 31.10.2022).*

²¹ *Bussy-Rabutin R. de. Lettres de Messire Roger de Rabutin, Comte de Bussy <...>, Avec les Réponses. Amsterdam: Chatelain, 1731. Т. 6. Р. 36. Пер.: «Не знаю, почему наш друг отправился так далеко, еще менее знаю, почему он отсюда вернулся. Все эти путешествия свидетельствуют обычно о беспокойном уме». Стремление искать счастье в дальних краях могло объясняться*

Всеми своими невзгодами Странствователь Филалет обязан именно своему беспокойному уму, который не позволяет ему ни на чем остановиться (это, похоже, автобиографическое описание). Можно считать, что Батюшков невольно полемизирует с притчей Продика в духе моралистов XVII–XVIII веков. Обычай отправлять молодых людей в путешествие для образования и воспитания ума и сердца вызвал к жизни соответствующие рассуждения моралистов как в пользу странствий, так и против них.

Так, бернец де Мюральт (Béat Louis de Muralt, 1665–1749) в своем «Письме о путешествиях» склоняется к мысли о бесполезности путешествий, которые могут повредить воспитанию сердца и представляются желательными лишь праздному, незанятому уму (он делает исключение лишь для законодателей и философов, которым путешествия необходимы для ознакомления с чужой мудростью и образцами законов): «...on peut dire que la fortune, que tant de voyageurs cherchent, & qu'ils ne trouvent point, les attend à leur retour, & dans cette vûe que l'on doit se hâter de voyager».²²

Воспитание сердца более важно и само по себе, и потому, что оно способно исправить недостаточное образование ума: «...c'est un abus que de vouloir se former l'esprit en lui-même, & indépendamment du vrai qui en doit faire l'objet. C'est le cœur qu'il faudroit tâcher de former aux jeunes gens, en leur inspirant des principes de droiture & de probité <...> Les qualités du cœur, ou nous dispensent d'avoir celles de l'esprit & nous ornent suffisamment, ou elles les rectifient & les perfectionnent <...>».²³

В сказке Батюшкова ситуация выбора между познавательным путешествием и счастливым домоседством иллюстрируется особенно наглядно, поскольку два ее персонажа воплощают сразу обе альтернативные судьбы. Все внимание, однако, уделено герою Странствователю, Домосед остается для сравнения.

Таков топический фон сказки, а основу ее фабулы (если брать ее в самом схематическом виде) составляют, как было указано В. П. Степановым и Н. М. Гайденовым, две басни Лафонтена — в первую очередь, «Тот, кто бежит за Фортунной, и тот, кто ждет ее в своей постели» («L'Homme qui court après la Fortune et l'Homme qui l'attend dans son lit», VII.12), а также «Два голубя» («Les deux pigeons», IX.2):²⁴ «„Странствователь и домосед“ является

также неумеренностью страстей: «De là viennent <...> ces passions immodérées qui font qu'on souhaite plus qu'on ne peut, ou qu'on n'ose entreprendre; qu'on craint tout, et qu'on cherche ailleurs un bonheur qu'on ne peut trouver chez soi» (Regnard J. F. Œuvres. Nouv. éd. Paris: Prault, 1750. Т. 1. Р. 60–61; более позднее издание: Œuvres complètes de Regnard, Avec des Avertissements et des Remarques sur chaque Pièce, par M. Garnier. Nouv. éd. Paris: Crapelet, 1810. Т. 1. Р. 68). Пер.: «Отсюда происходят эти неумеренные страсти, заставляющие желать более, чем человек может или осмеливается предпринять, что он всего боится и на все надеется, и что он ищет вонне счастья, которое можно найти лишь у себя дома».

²² [De Muralt B. L.]. Lettres sur les Anglois et les François et les Voyages, Avec la Lettre sur l'Esprit fort, l'Instinct divin recommandé aux hommes, & l'Apologie du caractère des Anglois & des François, &c. Paris: David, 1757. Т. 2. Р. 6. Пер.: «...можно сказать, что фортуна, которую столько путешественников ищут и не находят, ждет их по возвращении, и в этом смысле следует поспешить с путешествиями».

²³ Ibid. Р. 20. Пер.: «...это злоупотребление — желать образовать ум сам по себе, независимо от истины, которая должна быть его предметом. А надо бы стараться образовать сердце молодых людей, внушая им начала прямоты и честности <...> Достоинства сердца или избавляют нас от необходимости иметь достоинства ума и [одни] достаточно нас украшают, или их исправляют и совершенствуют».

²⁴ Источник первой басни Лафонтена, кажется, неизвестен. Правда, в двухтомнике Гийона (Guillon M. N. S. La Fontaine et tous les fabulistes, ou La Fontaine comparé avec ses modèles et ses imitateurs. Paris; Milan: Nyon, 1803. Т. II. Р. 51) в качестве предшественников указаны сказка Пиллая и фавелла Поджо, но это явное недоразумение. Индийская сказка начинается с того, что два приятеля отправляются в путешествие, находят деньги и решают вернуться домой; этим

попыткой приблизиться к поэме, используя традиционную форму стихотворной сказки. Сюжет <...> близок к неоднократно переводившейся в России басне Лафонтена „Искатели фортуны“ <...>, но разработан в лирическом ключе и имеет отчетливо выраженный автобиографический подтекст».²⁵

Заглавие батюшковской сказки можно рассматривать как предельно лаконичную передачу названия лафонтеновской басни (*L'Homme qui court après la Fortune* — Странствователь, *l'Homme qui l'attend dans son lit* — Домосед). Оба произведения открываются преамбулой, рассказываемой от первого лица. Собственно история персонажей также начинается в обеих сказках сходным образом, в частности, подчеркивается, что герои живут в скромном достатке:

Два брата, Филалет и Клит, смиренно жили
В предместии Афин под кровлею одной;
В довольстве? Не скажу, но с бодрою душой
Встречали день и ночь спокойно проводили...

(1, 241)

Ср. у Лафонтена:

Certain couple d'amis en un bourg établi,
Possédoit quelque bien <...>.²⁶

Дальше возникают различия. Никакое внешнее событие не побуждает лафонтеновского персонажа к отъезду; он, в силу своего характера, всегда мечтал привлечь к себе Фортуны и в конце концов созрел, чтобы устремиться на ее поиски. Батюшковскому же герою достается наследство (т. е. Фортуна делает ему подарок в самом начале), и только тогда он решает отправиться в дальние страны, причем не за Фортуной, а за мудростью и за славой. Впрочем, здесь Батюшков не высказывается определенно. В начале сказки Филалет отправляется за мудростью, видя счастье в самом обучении философии:

«Чего же хочешь ты?» — «Я?.. славен быть хочу».
— «Но чем?» — «Как чем? — умом, делами,
И красноречьем, и стихами,
И мало ль чем еще? Я в Мемфис полечу
Делиться мудростью с жрецами:
Зачем сей создан мир? кто правит им и как?
Где кончится земля? где гордый Нил родится?
Зачем под пеленой сокрыт Изиды зрак,
Зачем горящий Феб все к западу стремится?
Какое счастье, милый брат!»

сходство сюжетов исчерпывается. Басня «Два голубя» действительно восходит к «Панчатантре» через посредство «Калилы и Димны» и ее французского переложения.

²⁵ Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века. С. 675. «Искатели фортуны» — так называется переложение лафонтеновской басни, выполненное И. И. Дмитриевым и опубликованное в 1797 году. Он же перевел «Два голубя». Автор благодарен А. С. Бодровой, напомнившей, что на схожей фабуле построена и сказка Вольтера «Телема и Макар», переведившаяся Н. П. Николевым (1797) и А. Х. Востоковым (1799), а в 1827 году Е. А. Баратынским. Однако в ней иначе взаимодействуют персонажи: у Вольтера Телема (Воля, Желание) вынуждена искать Макара (Счастливого), исчезнувшего после того, как она стала выражать им недовольство и предьявлять ему претензии; в итоге, вернувшись, она находит его дома. Заметим также, что мнение современников о батюшковском иносказании напоминало отношение к Вольтеровой аллегории, считавшейся бесцветной («fade»), слишком прямолинейной.

²⁶ *La Fontaine J. de. Fables Choisies. Mises en Vers par Mr de la Fontaine. Paris: Thierry, Varbin, 1678. Part. 3. P. 58. Пер.: «Некая пара друзей, устроившаяся в одном предместье, владела кое-каким добром».*

Благодаря обретенной мудрости он надеется прославиться и ищет счастье теперь уже в обретении славы:

«Я буду в мудрости соперник Пифагора! —
В Афинах обо мне тогда заговорят.
В Афинах? — что сказал! — от Нила до Босфора
Прославится твой брат, твой верный Филалет!
Какое счастье! <...>»

(1, 242)

Далее сказка повествует о непростых поисках мудрости в Египте и Греции:

Скорей из Мемфиса бежать
От гнева старцев разъяренных,
От крокодилов, псов и луковиц священных²⁷
И между греков просвещенных
Любезной мудрости искать.

(1, 244)

Однако в следующих стихах Батюшков, кажется, проговаривается, что конечной целью поисков Странствователя является счастье само по себе:²⁸

Наш странник обходил
Поля, селения и грады,
Но счастья не находил
Под небом счастливым Эллады.

(1, 245)

Герой не находит счастья потому, что он «Повсюду гость среди людей, / Везде за трапезой чужою...», т. е. нигде не дома. Слово «дом» не произносится, но автор как будто хочет неявно напомнить о забытом было Домоседе.

Погоня за счастьем является рекуррентным (и автобиографическим) мотивом у Батюшкова, причем в раннем «Послании к Хлое» (1804/1805) она синонимична поискам Фортуны, которые традиционно противопоставлены идиллическому топосу («истинное счастье обретается в простой хижине»):

Решилась, Хлоя, ты со мною удалиться
И в мирну хижину навек переселиться.
<...>
За счастьем мы бежим, но редко достигаем,
Бежим за ним вослед — и в пропасть упадаем!
<...>
Таков и человек! Куда ни бросим взгляд,
Узрим тотчас, что он и в счастья не рад.
Довольны все умом, Фортуною ни мало.
Что нравилось сперва, теперь то скучно стало:

²⁷ Эти анекдотические сведения о египетских культах Батюшков мог найти, например, у Вольтера: «Les prêtres d'Égypte nourrissaient-ils un bœuf sacré, un chien sacré, un crocodile sacré? oui» (*Voltaire. Essai sur les mœurs et l'esprit des nations* <...>. Paris: Didot, An XIII [1805]. Vol. 1. P. 100). Пер.: «Выкармливали ли египетские жрецы священного быка, священного пса, священного крокодила? — Да».

²⁸ Уже поэтому Странствователя и Домоседа нельзя считать чистой аллегорией Ума и Сердца.

То денег, то чинов, то славы он желает.²⁹
Но славы посреди и денег он — зевает!

(1, 341–342)

И здесь мы видим, как Батюшков применяет в своих целях французские сентенции (на сей раз без посредничества русских переводчиков): стих «Довольны все умом, фортуною ни мало» входит в ряд сопоставлений и антитез, со- и противопологающих ум, сердце, душу, счастье, фортуна, и верно передает двустиишие из моральных стансов мадам Дезульер:

Nul n'est content de sa fortune,
Ni mécontent de son esprit.³⁰

Это двустиишие многократно цитировалось, например, Лагарпом в «Лицее»,³¹ именно оттуда, скорее всего, Батюшков его и узнал. Оно восходит к афоризму маркизы де Сабле, приятельницы и отчасти вдохновительницы герцога Ларошфуко: «C'est un défaut bien commun de n'être jamais content de sa fortune, ni mécontent de son esprit».³²

Но если люди и довольны собственным умом (или остроумием), никто не осмеливается, говорит Ларошфуко, открыто выражать свое удовлетворение: «Chacun dit du bien de son cœur, & personne n'en ose dire de son esprit».³³

Здесь мы снова имеем дело с противопоставлением ума и сердца. Имела хождение и сентенция, согласно которой люди выглядят довольными сердцем, но испытывают неудовлетворенность умом: «On paroît toujours aux autres plus satisfait de son cœur que de son esprit»;³⁴ «On paroît ordinairement plus satisfait de son cœur que de son esprit, mais on est toujours soi-même plus satisfait de son esprit que de son cœur».³⁵

²⁹ Фортуна понимается во французском смысле (обретение *денег, чинов, славы*). Ср. то же в «Тавриде» (1815): «Забудем имена Фортуны и честей» (1, 187).

³⁰ *Deshoulières A. Poésies de Madame et de Mademoiselle Deshoulières. Nouv. éd. Amsterdam: Desbordes, 1709. Т. 1. Р. 87. Пер.: «Никто не бывает довольным своей фортуной / и недовольным своим умом».*

³¹ *Laharpe J. F. Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris: Agasse. AN VII [1798]. Т. 6. Р. 415. Заметим, однако, что в оригинальном стихотворении «фортуна» означает «богатство» (*Deshoulières A. Poésies... Т. 1. Р. 86–87*): «Quelque puissant qu'on soit en richesse, en crédit; / Quelque mauvais succès qu'ait tout ce qu'on écrit, / Nul n'est content de sa fortune, / Ni mécontent de son esprit». Пер.: «Как бы человек ни был силен своим богатством и кредитом, / Как бы ни был мал успех того, что он пишет, / Никто не бывает довольным своей фортуной / И недовольным своим умом».*

³² *La Rochefoucauld. Réflexions ou Sentences et Maximes morales de Monsieur de la Rochefoucauld, Maximes de Madame la Marquise de Sablé <...>. Amsterdam: Mortier, 1705. Р. 231. Пер.: «Обычный недостаток — никогда не быть довольным своей фортуной и быть довольным своим умом».*

³³ *Ibid. Р. 40. Пер.: «Каждый хвалит свое сердце, никто не осмеливается хвалить свой ум / остроумие». Представляет интерес издание, в котором мысли Ларошфуко были собраны тематически и прокомментированы (причем к ним были примешаны максимы маркизы де Сабле): *Les Pensées, Maximes, et Réflexions morales de François VI, Duc de la Rochefoucauld, Avec des Remarques & Notes Critiques, Morales, Politiques & Historiques sur chacune de ces Pensées, par Amelot de la Houssaye & l'Abbé de la Roche, & des Maximes Chrétiennes par Madame de la Sablière. Paris: Nyon, 1757. Девять афоризмов с ключевым словом «сердце» помещены на с. 96–99. Симптоматично, что уму (*esprit*) уделено гораздо больше места и внимания: 24 максимы на с. 165–176.**

³⁴ *Réflexions diverses propres à former l'Esprit et le Cœur. Paris: Prault, 1749. Р. 69. Издано анонимно, возможно, автор — Симон Бинькур (Simon Bignicourt; 1709–1775). Пер.: «Человек всегда кажется другому более удовлетворенным своим сердцем, чем умом».*

³⁵ *Choix des anciens Mercurès avec un extrait du Mercure françois. Paris: Pissot, 1762. Т. 81. Р. 109; то же в: *Esprit du «Mercure de France» depuis son origine jusqu'à 1792, ou Choix des meilleures Pièces de ce Journal <...>. Paris: Barba, 1810. Т. 1. Р. 473. Пер.: «Человек обычно кажется**

Как и в первой части статьи, мы видим набор антитетических сентенций на сходные темы, демонстрирующий, что во французском обществе к подобным *bons mots* относились не как к неприкосновенным изречениям (которые нельзя трогать и менять), а как к мыслям, находящимся в общем пользовании. Удачные афоризмы были продуктивными, они порождали другие, так что возникал целый букет вариаций на некоторую тему. Но при заимствовании в другую культуру, похоже, эта продуктивность исчезает, сентенции фиксируются; в батюшковские тексты из всего многообразия максим об уме, сердце, фортуне и счастье вошли лишь те, что имели стихотворную (т. е. в известном смысле застывшую) форму.

Значение слова 'Фортуна' у Батюшкова менялось с течением времени. В раннем (1804/1805) стихотворении «К Филисе» 'Фортуна' почти синонимична 'счастью', как следует из следующего пассажа:

Как пылинка вихрем поднята,
 Как пылинка вихрем брошена,
 Так и счастье наше чудное
 То поднимет, то опустит вдруг.
 Часто бегал за Фортуною
 И держал ее в руках моих:
 Чародейка ускользнула тут
 И оставила колючий терн.

(1, 347)

Через двенадцать лет, в письме Гнедичу (в июле 1817 года) поэт различает эти понятия: «Но скажи Вяземскому, что Фортуна не есть счастье, а существо, располагающее злом и добром, нечто похожее на судьбу» (2, 447).³⁶ Батюшков не всегда понимает Фортуны в лафонтеновском смысле: у французского баснописца это «успех», причем чаще всего «успех при дворе», который по природе ненадежен и непродолжителен, тогда как под счастьем понимается обычно устойчивое и продолжительное состояние.³⁷ Можно сказать, что персонажи Батюшкова (а зачастую и лирический герой) ищут *eudaimonia*, а не *eutuchia*.

Во французской поэзии в конце XVIII столетия появилась вариация басни Лафонтена, где поиски фортуны заменены как раз поисками счастья, это сказка-басня Франсуа-Бенуа Офмана «Человек, стремящийся за счастьем» («L'Homme qui court après le bonheur»).³⁸ Заметим, что хотя Офман и подражает названию лафонтеновской сказки, он заменяет эфемерную и капризную Фортуны (*Fortune*) на более благоразумное и постоянное счастье (*bonheur*). Его герой Дамис, подобно персонажу Батюшкова, нигде не может остановиться в своих поисках, попадает в самые привлекательные места, но они не могут его удержать, он снова и снова отправляется в странствие, пока не находит

более удовлетворенным своим сердцем, чем умом, но сам он всегда более удовлетворен своим умом, нежели сердцем».

³⁶ Комментарий к этой фразе из письма к Вяземскому в ее связи с элегией «Умиравший Тасс» и с отсылками к Горацию, Данте и Тассо см.: Пильщиков И. А. Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания / Под ред. М. И. Шапира. М., 2003. С. 164–167.

³⁷ Но и «французское» понимание «счастья» как лафонтеновской Фортуны имеется у Батюшкова в «Послании к Тургеневу» (1816): «О ты, который при дворе, / В чаду успехов или счастья <...>» (1, 216).

³⁸ *Hoffman F. B. Poésies diverses*. Nanci: Prault, 1785. P. 14–16. Вошло и в следующие издания стихотворений Офмана (например: *Hoffman F. B. Mes souvenirs, ou Recueil de poésies fugitives*. Paris: Huet, An 10 [1802]. P. 95–97). Сам автор определяет свое произведение как басню.

храм, вход в который закрыт занавесом с надписью «Здесь нет страданий»; сорвав занавес, Дамис видит гробницу. Басня Офмана интересна именно тем, что ее персонаж бежит не за переменной удачей-фортуной, а упорно ищет надежное, постоянное счастье.³⁹

Сюжеты античной философии

В письме от 25 марта 1815 года Батюшков обращался к Вяземскому со следующим предложением: «Зачем ты не испытываешь род сказки? Зачем Дмитриеву оставлять одному это поле <...>. Дай бог, чтобы мой опыт («Странствователь и Домосед». — А. Д.) тебя воспалил. <...> Пиши в роде „Модной жены“» (2, 326–327). «Модная жена» упомянута здесь не зря. Разрабатывая многочисленные эпизоды своего повествования, Батюшков, как и Дмитриев, прибегает к мозаике элементов, заимствованных из разнородных источников, от Лафонтена до трактатов по античной философии.

Так, история Филалета перекликается с изложенной Диогеном Лаэртским жизнью Демокрита: «Деметрий в „Соименниках“ и Антисфен в „Премествах“ сообщают, что он (Демокрит. — А. Д.) совершил путешествие и в Египет к жрецам, чтобы научиться геометрии, и в Персию к халдеям, и на Красное море; а некоторые добавляют, что он и в Индии встречался с гимнософистами, и в Эфиопии побывал. Из трех братьев он был младшим при разделе наследства и взял себе меньшую долю имущества, состоявшую в деньгах, так как они были ему нужны для путешествия, и братья это хитро сообразили. Деметрий говорит, что его доля превышала сто талантов, и все это он истратил».⁴⁰

Филалет, подобно греческому атомисту, делит наследство с братом и отправляется на поиски мудрости, начав свои странствия с посещения Мемфиса и потратив в них все деньги. Диоген упоминает лишь Египет в целом, но в некоторых французских книгах можно встретить утверждение, что Демокрит учился именно у жрецов Мемфиса, как и персонаж Батюшкова (например: «Les Prêtres de Memphis lui avoient encore appris différents secrets de Chimie»⁴¹).

У Диогена Лаэртского почерпнуты, видимо, и сведения о плаще Кратета — философа-киника, с которым собирался соперничать Филалет, надеющийся достичь такой славы, что «афиняне забудут Демосфена. / И Кратеса в плаще...».

³⁹ То, что истинное счастье непременно должно быть постоянным, поэтому в этом мире оно недостижимо, — общее место многих моралистов и проповедников. См., например, у Пuffендорфа: «Dieu n'assure à personne en ce monde une durée perpétuelle de l'état où on se trouve, ni un bonheur constant & invariable...» (*Puffendorf S. Les devoirs de l'homme et du citoyen: Tels qu'ils lui sont prescrits par la Loi Naturelle <...>. Trevoux, 1747. T. 1. P. 215; пер.: «Бог никому в этом мире не обеспечивает ни вечную продолжительность состояния, в котором мы пребываем, ни постоянного и неизменного счастья»*). У Батюшкова этот мотив развивается в стихотворении «К другу».

⁴⁰ *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступ. статья А. Ф. Лосева; пер. М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 370.* Для простоты цитируем по современному изданию. Батюшков мог читать Диогена по-французски в неоднократно издававшемся переводе Шофье (Chaufepié), например: *Diogène Laërce. Les Vies des plus illustres Philosophes de l'Antiquité, Avec leurs Dogmes, leurs Systèmes, leur Morale, & leurs Sentences les plus remarquables <...>. Amsterdam: Schneider, 1758. T. 2. P. 294–295.*

⁴¹ *Savérien A. Histoire des philosophes anciens, jusqu'à la renaissance des lettres. Paris: Didot, 1771. T. 2. P. 57–58.* Пер.: «Жрецы Мемфиса научили его разным секретам Химии». Иногда говорится, что греки вообще стремились в Мемфис за мудростью: «Ainsi pensaient du moins ces enfans de la Grèce / Qui couraient à Memphis apprendre la sagesse...» (*Fabre V. Discours en vers sur les voyages, Paris: Baudouin, 1807. P. 5; пер.: «Так, по крайней мере, думали эти сыны Греции, / Которые стремились в Мемфис учиться мудрости»*).

Ср. у Диогена о Кратете, сыне Асконда, одном «из славнейших учеников Пса»: ⁴² Кратет «бросился в философию с таким рвением, что даже попал в стихи Филемона, комического поэта. У того сказано:

Он, как Кратет, зимой одет во вретнице,
А летом бродит, в толстый плащ закутавшись. ⁴³

<...>

А Менандр в комедии „Сестры-близнецы“ упоминает о нем так:

Пойдешь со мною, в грубый плащ закутана,
Как некогда жена Кратета-киника...» ⁴⁴

Но Диогеновы «Жизнь и мнения» — не единственный источник (или протосточник) Батушкова. Уже в самом начале сказки Филалет, надеющийся стать «в мудрости соперник Пифагора», собирается учиться у пифагорейцев и предвидит суровые испытания (включая обет молчания), через которые должен будет пройти:

Какое счастье! десять лет
Я стану есть траву и нем как рыба буду;
Но красноречья дар, конечно, не забуду.

(1, 242)

Авторская ирония дает почувствовать читателю оксюморонность самой возможности пифагорейской элоквенции. Тем не менее похвалы красноречию молчальника Пифагора можно найти, например, в «Словаре» Пьера Бейля: «Il falloit que son Eloquence eût beaucoup de force, puis que ses Exhortations porteroient les habitans d'une grande ville plongée dans la débauche à fuir la luxe & la bonne chere...»; ⁴⁵ «Son silence même étoit éloquent, & contribua autant que sa voix à la réforme, comme l'a fort bien remarqué un ancien poëte». ⁴⁶

В конце своих странствий Филалет попадает к «скептическому мудрецу» Памфилу, учение которого, пожалуй, наиболее важно для сюжета сказки. Филалет, чье имя значит «любитель/друг истины», в начале путешествия убежденный в том, что найдет мудрость (к которой приложится и слава), отвергает одну философскую школу за другой, чтобы в финале принять пирронизм, а следовательно, усомниться в самом существовании истины, а значит, и истинной мудрости.

Если начало истории Странствователя заимствовано во многом из жизнеописания Демокрита (см. выше), к концу рассказа путь Филалета сближается с судьбой Пиррона: «Il cherchoit donc toute sa vie la vérité; mais il se ménageoit toujours des ressources pour ne tomber pas d'accord qu'il l'eût trouvée». ⁴⁷

⁴² Диоген Лаэртский. О жизни... С. 261.

⁴³ Там же. С. 262.

⁴⁴ Там же. С. 264. См. те же пассажи во французском издании: *Diogène Laërce. Les Vies...* Т. 2. Р. 59–64. Кроме того, здесь возможна контаминация с другим свидетельством, гораздо более известным: «Когда он (Антисфен. — А. Д.) старался выставлять напоказ дыру в своем плаще, то Сократ, заметив это, сказал: „Сквозь этот плащ я вижу твое тщеславие!“» (Диоген Лаэртский. О жизни... С. 236; французский текст: *Diogène Laërce. Les Vies...* Т. 2. Р. 6).

⁴⁵ *Bayle P. Dictionnaire Historique et Critique. 5-ème éd. / Revue, corrigée et augmentée <...> par Mr. Des Maizeaux. Amsterdam: La Compagnie des Libraires, 1734. Т. 4. М–R. Р. 683. Пер.: «Надо полагать, его красноречие было весьма мощным, поскольку его призывы заставили обитателей большого города, погруженного в разврат, бежать роскоши и чревоугодия».*

⁴⁶ *Ibid. Р. 684. Note С. Пер.: «Даже молчание его было красноречивым и способствовало исправлению в той же степени, что и его голос, как хорошо заметил древний поэт». То же можно найти в сокращенных обработках Бейлева «Словаря» (например: *De Marsy F. M. Analyse raisonnée de Bayle, ou Abrégé méthodique de ses ouvrages <...>. Londres, 1755. Т. 3. Р. 374).**

⁴⁷ *Bayle P. Dictionnaire Historique et Critique. Т. 4. Р. 669. Пер.: «Итак, всю свою жизнь он искал истину, но всегда сохранял возможность не согласиться с тем, будто он ее нашел». Ср. в Дио-*

Таким образом, безуспешные поиски счастья переплетаются со столь же безрезультатными поисками мудрости и истины. Поскольку в Странствователе Батюшков отчасти описывал себя, это бросает свет на мировоззрение самого поэта.

Батюшковское изложение украшено деталями, почерпнутыми из описаний Пирроновой философии. Так, пассаж, в котором Памфил убеждает Филалета не топиться, является вольным пересказом известного анекдота, фигурирующего во множестве трактатов и словарей, как серьезных, так и легковесных. Вот вариант из «Энциклопедианы», объемистого сборника *bons mots*: «Pyrrhon soutenoit que vivre & mourir étoit la même chose. Un de ses disciples choqué de cette extravagance, lui ayant dit: *Pourquoi donc ne mourrez-vous pas?*, C'est précisément, répondit-il, parce qu'il n'y a aucune différence entre la mort & la vie⁴⁸».

В версии Батюшкова аргументация, по существу, аналогична:

Рассудок ли тебя влечет в реку иль страсти?
 Рассудок: но его что нам вещает глас?
 Что жизнь и смерть равны для нас.
 Равны — так незачем топиться.

Мимолетно упомянув такое понятие скептиков, как атараксия, русский поэт заставляет Памфила высказать тезисы, напоминающие скорее индусов, чем греков (впрочем, согласно Диогену Лаэртскому, Пиррон встречался с индийскими гимнософистами):

— «Все призрак! — под конец хозяин заключил: —
 Богатство, честь и власти,
 Болезнь и нищета, несчастья и страсти,
 И я, и ты, и целый свет, —
 Все призрак!» — «Сновиденье!» —
 Со вздохом повторял унылый Филалет;
 Но, глядя на сухой обед,
 Вскричал: «Я голоден!» — «И это заблуждение,
 Все грубых чувств обман; не сомневайся в том».

(1, 246)

Такая интерпретация Пирроновых положений может основываться на некоторых французских комментариях, см., например, в «Словаре» Бейля: «...personne parmi les bons Philosophes ne doute plus, que les Sceptiques n'aient raison de soutenir que les qualitez des corps, qui frappent nos sens, ne sont que des arapences».⁴⁹

Возможно, это понимание подкреплялось изложением Авла Геллия (приводим единственный имевшийся тогда французский перевод): «...chaque objet nous paroît tel que nous le jugeons d'après la sensation qu'il excite en nous & que

геновом жизнеописании Пиррона: «Le titre de *Rechercheurs* portoit sur ce qu'ils cherchoient toujours la vérité; celui d'*Incertains*, parce qu'ils ne la trouvoient jamais...» (*Diogène Laërce. Les Vies...* Т. 2. Р. 317; пер.: «Название „Искателей“ объяснялось тем, что они всегда искали истину, название „Неуверенных“ — тем, что они ее никогда не находили»).

⁴⁸ Encyclopédiana, ou Dictionnaire Encyclopédique des Ana. Contenant ce qu'on a pu recueillir de moins connu ou de plus curieux parmi les saillies de l'esprit <...>. Paris: Panckoucke, 1791. Р. 794. Пер.: «Пиррон утверждал, что жить и умереть — одно и то же. Когда один из его учеников, пораженный этой экстравагантностью, спросил его: „Почему же вы тогда не умрете?“, он ответил: „Именно потому, что нет никакой разницы между смертью и жизнью“».

⁴⁹ *Bayle P. Dictionnaire Historique et Critique. Т. 4. Р. 669. Note В.* Пер.: «Никто из хороших Философов не сомневается больше, что Скептики были правы, утверждая, что качества тел, данные нашим чувствам, всего лишь кажимость».

nos organes nous le représentent, mais non pas tel qu'il existe réellement & indépendamment de nos jugemens particuliers». ⁵⁰

Во всяком случае, Филалет воспринимает начала скептической философии достаточно, чтобы по возвращении в Афины попытаться крайне неуместно применить пирронизм в политической риторике. Скептики учат, что на каждую убедительность найдется противоположная (*égalité dans les persuasions opposées*): «...après avoir montré par quels moyens on se persuade une chose, ils employent les mêmes moyens pour en détruire la croyance». ⁵¹

Следуя усвоенному учению, Филалет доказывает, что объявлять войну и оставаться в мире равно опасно, и на вопрос афинских граждан: «Что ж делать?» — отвечает:

«Что делать?.. — сомневаться.
Сомненье мудрости есть самый зрелый плод. ⁵²
Я вам советую, граждане, колебаться —
И не мириться, и не драться!..»

(1, 248)

Его провал описывается тем же ироническим тоном, что и остальные приключения; но в данном случае этот тон иллюстрирует скептический парадокс: позиция пирронизма сама подвержена скептической оценке. Последняя найденная и уже было принятая Филалетом мудрость оказывается если не ложной, то сомнительной, а не приобрета мудрости, он теряет и надежду на счастье. Чтобы подчеркнуть эту безнадежность, в финале автор отправляет своего alter ego *за розами <...> в снега гипербореев* (т. е. за заведомо недостижимой мечтой, в заведомо безуспешное странствие). В элегии «Воспоминания» (1814?–1815) Батюшков восклицает: «Есть странствиям конец — печалям никогда!» (1, 407). Но для Филалета не предвидится конца и странствиям.

Некоторые другие подробности, оживляющие повествование, могли быть почерпнуты Батюшковым из французских книг об античной жизни и из романов на греческие темы. Так, Филалет обещает не превозноситься, в противоположность кичливому Демосфену:

Не стану я моим превозноситься даром,
Как наш Алкивиад, оратор слабых жен,
Или надутый Демосфен,
Кичася в пурпуре пред царскими послами.

(1, 242)

О пурпурной одежде Демосфена никакие источники, кажется, не сообщают, но из речи Эхина известно о пурпурных коврах, которые Демосфен растелил перед послами македонского царя Филиппа: «Il me reste à vous faire connoître la basse flatterie de ce Démosthène qui, pendant un an entier qu'il siégea dans le sénat, n'accorda de place distinguée à aucun ambassadeur, et, cette

⁵⁰ Les Nuits Attiques d'Aulugelle / Trad. pour la première fois, accompagnées d'un Commentaire et distribuées dans un nouvel ordre, par M. l'Abbé de V... [J. Donzé de Verteuil]. Paris: Dorez; Bruxelles: Le Boubiers, 1776. P. 342. Пер.: «...каждый предмет видится нам так, как мы судим о нем по ощущениям, которые он в нас вызывает и как наши органы нам его представляют, а не таким, как он существует действительно и независимо от наших частных суждений».

⁵¹ Diogène Laërce. Les Vies... Т. 2. P. 322. Пер.: «Показав, какими способами люди убеждают себя в некоторой вещи, они пользуются теми же способами, чтобы разрушить эту убежденность».

⁵² Эта строка ясно показывает, что Филалет полностью принял скептицизм.

fois seulement, fit dresser un trône pour les députés de Philippe, y plaça de superbes carreaux, l'orna de magnifiques tapis de pourpre...»⁵³

Эти сведения были использованы Бартеlemi в его знаменитом романе «Путешествие юного Анахарсиса по Греции», откуда могли попасть и к Батюшкову: «Les ambassadeurs de Philippe assistent régulièrement aux spectacles que nous donnons dans ces fêtes. Démosthène leur avait fait décerner par le sénat une place distinguée. Il a soin qu'on leur apporte des coussins et des tapis de pourpre».⁵⁴

* * *

В «Странствователе и Домоседе» сходятся тематические и сюжетные линии различного происхождения. В этом можно усмотреть филиацию от «Модной жены» Дмитриева, также соединяющей топику, заимствованную из разных жанровых и национальных традиций.⁵⁵ Детали, дающие историческую и философскую мотивировку (если воспользоваться формалистским термином), могли быть взяты из Диогена Лаэртского и из разнообразных французских книг об античности, при этом отсылки к пирронизму оказываются существенными для понимания жизненных поисков Филалета (а значит, и самого Батюшкова). Письма, касающиеся русской сказки, и некоторые тематически родственные стихотворения украшены остроумными антитезами и сентенциями, которые восходят к французским стихотворцам, мастерам пуанты, *bons mots* и *traits d'esprit*. Сам же «Странствователь и Домосед», в соответствии с французскими требованиями к жанру, рассказан в «наивном» стиле, избегая нарочитого салонного остроумия.

В отличие от сказок-басен Лафонтена или Офмана, у Батюшкова не подразумевается легко выводимой морали. Финал русской сказки выглядит открытым, что крайне необычно. Тем не менее в ней читается вполне традиционный смысл. Домосед, оставаясь дома, может быть счастлив «сердцем», тогда как для Странствователя поиски счастья неотделимы от деятельности ума. Но если «умственное образование» (*la formation de l'esprit*) и приобретает в путешествиях, счастье не может прийти извне, и устремленный во внешний мир Филалет оказывается обречен на бесплодные скитания.

⁵³ Harangues politiques de Démosthène: Avec les deux harangues de la couronne / Trad. nouv. par M. Gin. Paris: Didot, 1791. Т. 2. Р. 52. Пер.: «Мне остается сообщить вам о низкой лести этого Демосфена, который в течение всего года, что он заседал в сенате, не предоставил почетного места ни одному послу и лишь на сей раз приказал поставить трон депутатам Филиппа, положил на них великолепные подушки, украсил его превосходными пурпурными коврами...».

⁵⁴ *Barthélemy J. J. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, vers le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire*. 4-ème éd. Paris: Didot jeune, 1798. Т. 5. Р. 162 (ch. LXI). Пер.: «Послы Филиппа регулярно присутствуют на зрелищах, которые мы устраиваем при этих празднествах. Демосфен заставил сенат выделить им почетное место. Он позаботился, чтобы для них принесли подушки и пурпурные ковры».

⁵⁵ Добрицын А. А. Сюжетные истоки четырех сказок И. И. Дмитриева. С. 3–12.